

1990-х гг. в г. Витебске коэффициент пропорциональности равен 6, в приграничье – 3,75).

К 1990-м гг. антропонимные варианты женских личных имен становятся средством индивидуализации именователя (*Елизавета, Кристина, Королина, Марианна, Снежанна, Эвалина, Юлианна, Юлиана* и др.).

Заключение. Таким образом, анализ женских именованных систем приграничных населенных пунктов Витебской области показал, что антропонимная вариативность, проявляющаяся на разных уровнях, является характерной чертой антропонимии приграничья. Высокая частотность вариантов свойственна в большей степени белорусско-литовско-латышской приграничной антропонимии 1950-х гг., что связано со сменой лингвистического принципа ведения метрических записей, функционированием номинативных единиц в условиях полилингвизма, полинационализма и биконфессионализма, низкой антропонимной компетенцией жителей. В конце XX в., несмотря на стабилизацию орфографической нормы, использование варианта имени в качестве основного компонента триединой формулы именователя продуктивно. Данный факт, вероятно, объясняется поисками родителей оригинальных или эвфонических имен. Заметим, что стремление родителей к антропонимной оригинальности нередко имеет в дальнейшем негативные последствия в жизни именователя (психологические и юридические), что нередко мотивирует субъекта к смене личного имени.

Список литературы

1. Бельк, Н.А. Некоторые правовые и социологические вопросы антропонимики / Н.А. Бельк // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики; отв. ред. В.А. Никонов. – М.: Наука, 1970. – С. 9–23.
2. Верховых, Л.Н. Антропонимическое пространство сел Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Н. Верховых ; Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Воронеж, 2008. – 20 с.
3. Питкевич, Г.Н. Структура русских неофициальных личных имен в Латгалии / Г.Н. Питкевич // Лексика и лексикография славянских языков. – 2009. – № 3. – С. 234–235.
4. Скребнева, Т.В. Антропонимная вариативность: проблемные вопросы, специфика проявления в региональном именнике / Т.В. Скребнева // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2008. – № 7. – С. 236–243.

ДОХРИСТИАНСКОЕ ИМЯ В ОЙКОНИМИИ ВИТЕБЩИНЫ

В.М. Генкин

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Данное исследование ставит целью выявить дохристианские имена, зафиксированные в ойконимии Витебщины, и через них определить именные приоритеты жителей региона. Как известно, значительная часть названий населенных пунктов в этимологическом и деривативном отношении восходит к антропонимам. Реконструкция исходных личных имен, а следовательно, и определение закономерностей формирования ойконимии регионов – одна из актуальных задач, стоящих перед белорусской ономастикой.

Зафиксированный в ойконимии антропонимикон представлен двумя основными массивами: первый (преобладающий в названиях населенных пунктов) составляют имена, пришедшие вместе с христианством и распространившиеся в результате усиления роли этой религии в жизни восточных славян; второй – это имена, сохранившиеся из дохристианского периода и на момент формирования основной части ойконимов, выполнявшие, как правило, роль прозвищ.

Материал и методы. Материал для исследования собирался методом сплошной выборки из нормативного справочника «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [1] и «Слоўніка назваў населенных пунктаў Віцебскай вобласці» Е.Н. Рапановича [2]. Исходные дохристианские имена, легшие в основу данных названий, распределялись в соответствии с классификацией, предложенной А.В. Сусловой и А.В. Суперанской [3, с. 42–43]. Согласно этой классификации, неканонические имена объединяются в девять групп: 1) так называемые счетные имена, т.е. даваемые по очередности рождения (*Первак, Первой, Второй, Третьяк, Четвертуня* и т.д.); 2) имена, которые давались по цвету волос и кожи (*Беляй, Белуха, Черныш*); 3) имена, даваемые по различным внешним приметам: росту, особенностям телосложения и т.д. (*Беспалой, Головач, Малюта, Толстой, Сухой*); 4) имена, связанные с особенностями характера и поведения ребенка (*Бессон, Забава, Крик, Молчан, Неулыба, Несмеяна*); 5) имена, отражающие желательность или нежелательность появления ребенка и подобное (*Ждан, Неждан, Любим, Чаян, Нечай, Поспел, Хотен*); 6) имена, в которых отражалось время рождения ребенка (*Вешняк, Зима, Мороз*); 7) имена, восходящие к древним поверьям, причем такие антропонимы могут восприниматься как «нехорошие, негативные»; согласно представлениям наших предков, подобные имена могли отгонять злые духи, беречь от болезней и смерти, иначе говоря, они были профилактическими (*Безобраз, Немил, Ненаш, Некрас, Нелюба, Злоба, Горе*); 8) имена, связанные с этническими названиями (*Карел, Татарин, Казарин*); 9) имена, которые были связаны с животным и растительным миром (*Волк, Корова, Щавей, Комар, Пырей* и др.).

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что в регионе однозначно преобладают названия населенных пунктов, восходящие к девятой группе, т.е. связанные с животным и растительным миром. Среди таких ойконимов есть несколько подгрупп, отражающих, соответственно, названия:

– **домашних и диких животных:** *Бабрoва* (4), *Бабрoўшчына* (2), *Баранава, Баранавічы, Баранаўка, Баранаўшчына, Баранoўскія, Баранчыкі, Бараны* (2), *Барань, Баранькі, Барсукі, Бoбрыкі, Бьікаўшчына* (2), *Быкі, Быкoўскія, Валкі, Ваўкавічы, Ваўкoўшчына, Ваўчкі, Ваўкі* (3), *Ваўчкі* (2), *Вoўкава* (3), *Вoўкавічы, Вoўкаўшчына* (2), *Выдрэя, Вялікая Выдрэя, Гарнастаі, Кабаны, Кабыліны, Казінае Сяло, Казлова* (2), *Казловічы* (2), *Казлоўка* (2), *Казлоўская Малонка, Казлоўцы, Казлоўшчына* (3), *Казлы* (9), *Карoўка, Катавічы, Каты, Козаўка, Кoзікі* (2), *Кoззі Гoркі, Кoзкі, Кoтава, Кoтаўшчына, Крoлікі, Крoцікі, Ласі* (2), *Ласіца* (2), *Лісіцы* (2), *Лoсева, Лoсеўка* и др.;

– **птиц:** *Арлова, Арловічы, Арлоўшчына, Арляны, Варанова, Варанoўка, Варанoўшчына, Варанцэвічы, Варанцы, Вараны, Варанькі, Варoніна, Варoнічы, Варoны* (2), *Вераб'ёва* (2), *Вераб'і* (3), *Вoранава, Вoранаўшчына, Грaкава, Дзятлава* (2), *Дзятлы, Драздoўшчына, Дразды* (6), *Дрoздава* (2), *Жураўлі, Каршункі, Каршунны, Кулікі, Кулікова, Ластаўкі, Лебедзева, Нoвае Сакoліна, Петухі, Петухoўшчына* (2), *Петушкі* и т.д.;

– **насекомых**: *Горныя Жукі́, Жу́кава (2), Жу́каўская Слабада́, Жукі́ (2), Жукнева, Жуко́ўшчына, Жучкі́, Камаро́ва, Камаро́ўшчына (2), Камары́ (2), Ложныя Жукі́;*

– **рыб** и других обитателей озер и рек: *Акунё́ва (2), Акуні́, Карасі́ (2), Карасі́на, Луні́, Ляшчо́ўшчына, Ра́кава, Ра́каў Засце́нак, Ра́каўцы* и др.;

– **растений и их частей**: *Арэ́хава, Арэ́хавічы, Арэ́хаўка, Арэ́хаўна, Арэ́хаўск, Арэ́хі, Арэ́шанка, Арэ́шанкі, Бу́к, Бу́кава (2), Бу́каўшчына, Бу́кі (2), Гру́здава, Грузды́, Гру́шава, Грушэ́ўская, Грыбо́ва, Грыбо́ўцы, Жалудо́ва (2), Капу́сціна, Качано́ва, Качаны́, Кляны́ (2), Клянкі́, Ко́ласава, Лі́пава (3), Лі́паўка (3), Лі́паўкі (3), Рабі́наўка, Ра́кіты, Ра́кітаўшчына* и т.д.

Выделение подгруппы ойконимов, связанных в семантическом отношении с растительным миром, создает определенные этимологические сложности. Отнюдь нельзя исключать возможности прямого использования флористической лексики для именованя населенных пунктов, что особенно актуально для ойконимов с неантропонимными аффиксами или, например, названий с топонимическими суффиксами *-аўка, -оўка, -ёўка, -ёўка*: *Арэ́хаўка (2), Асі́наўка (14), Бабо́ўка, Баро́ўка (3), Бяро́заўка (3), Гаё́ўка, Глі́наўка, Гра́зіўка, Дубра́ўка (8), Дубо́ўка (6), Калі́наўка (3), Лазо́ўка (5), Лі́паўка (3), Сасно́ўка (4, в том числе 1 новый ойконим)* и т.п. Названия же с топосуффиксами *-ова, -ева, -ава, -іна, -ына, -ічы, -ычы*, как правило, указывают на отантропонимное происхождение ойконимов.

Заметим попутно: именно классический формантный подход в ряде исследований является решающим аргументом в отнесении ойконима к той или другой группе, хотя и он не дает стопроцентной уверенности.

В процессе анализа мы учитывали и исторические факты, повлиявшие на ойконимическую систему региона, в частности переименование и создание искусственных названий в те или иные эпохи. Так, мы однозначно не включили в число производных от дохристианских имен собственных ойконим *Малі́наўка* – такое название сегодня носят 5 населенных пунктов, расположенных, соответственно, в Глубокском (2), Мёрском, Оршанском и Ушачском районах. «Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці» Е.Н. Рапановича дает информацию о 12-ти населенных пунктах с этим названием [2, с. 245]. Названия, производные от лексемы *малина*, являются искусственными.

Показательно, что значительно меньше в ойконимии региона представлены древние имена, связанные с внешними признаками, характеристикой, данной по особенностям характера или поведения и т.п.: *Багаты́р, Багаты́ро́ва, Барадзі́нычы, Барадзі́но (3), Бараду́ліна (2), Белаву́сы, Беля́і (3), Буя́нава, Буяны́, Бялу́сішкі, Бялы́навічы, Бялю́нішкі (2), Бяля́нішкі, Бяля́нкава, Бяля́нкі, Бяля́ны (4), Валасачы́, Го́рбава, Крыка́лы, Крыку́ны, Кулакí, Кулако́ва (4), Кулако́ўшчына, Лабанí, Лабаны́ (2), Лабачо́ва, Ламано́сава, Ламачы́на (2), Лю́таўка, Некрашэ́ва, Пу́хавічы, Пу́хаўка, Пушкі́, Ра́бава, Рабчо́нкі, Рабышы́, Рагалí, Рагачы́, Ры́жанкі́, Ры́жаўшчына, Ры́жыкі́, Ры́жычы* и др.

Названия населенных пунктов, восходящие к дохристианским именам, отражающим желательность или нежелательность появления ребенка, единичны: *Жда́но́ва, Ждано́ўка, Жданы́, Лю́бава, Люба́нічы, Пазнякі́*. Только отдельными примерами представлены также названия, относящиеся к группе антропонимов, указывающих на время рождения: *Маразы́, Маро́зава, Маро́зава Слабо́дка, Маро́заўка, Маро́заўшчына, Ні́жнія Маро́зы, Маро́зенкі* (в них зафиксировалось древнее имя *Мороз*). Два ныне несуществующих населенных пункта имели название *Траця́нкі́*, связанное с группой имен, даваемых по очередности рождения ребенка.

Заключение. Основной массив дохристианских имен, зафиксированных в ойконимии Витебщины, составляют антропонимы, этимологически восходящие к фаунистическим и флористическим названиям. Значительно меньше ойконимов, связанных с именами-характеристиками человека по внешним и внутренним признакам. Другие группы дохристианских имен либо представлены единичными примерами, либо отсутствуют вовсе.

Список литературы

1. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.
2. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я.Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 504 с.
3. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. О русских именах. – Ленинград: Наука, 1978.

ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА», «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И В. ГИГЕВИЧА «КОРАБЛЬ», «ПАБАКИ»: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ МОДИФИКАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

*Н.В. Голубович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Сопоставление произведений М. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце» [1] и повестей В. Гигевича «Корабль» и «Пабаки» [3;4] актуализирует важную проблему социальной фантастики, связанную с функционированием в ее рамках различных жанровых форм.

Маркирующей чертой социальной фантастики, выделяющей ее среди других ветвей фантастической литературы, является совмещение в каждом отдельном произведении императивного социального и амбивалентного художественного планов. Социально-философское содержание при этом выражается, как правило, опосредованно, через иносказание. Однако сами связи между образом и значением устанавливаются различно: с акцентом либо на изображаемом, либо на подразумеваемом. Тем самым в подобных произведениях обнаруживается существование различных по форме идейных обоснований.

Е.Д. Тамарченко называет их мотивировками «извне» и «изнутри». Мотивировка «извне» – это мотивировка со стороны изображаемой действительности, со стороны материального или духовного мира героев с их естественными или нравственными законами, со стороны ситуации, отношений между персонажами, характеров и т. д. Мотивировку «изнутри» продуцирует иносказание. По мнению Е.Д. Тамарченко, в социальной фантастике такие мотивировки равноправны [7, 103]. Соглашаясь в целом с наблюдениями исследователя, последний тезис все же хотим уточнить: нам представляется, что соотношение мотивировок «извне» и «изнутри» в социальной фантастике зависит от жанровой модификации произведений. Преобладание же той или иной мотивировки обуславливает художественные особенности картины фантастической действительности, созданной автором.

Методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-типологический.

Результаты и их обсуждение. Использование мотивировок «извне» и «изнутри» в качестве инструмента исследования помогает прояснить вопрос жанро-